

А.И. Чепурная
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФАКТА И
МНЕНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТЕПЕНИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ

A.I. Chepurnaya
EPISTEMOLOGICAL BASES OF DISTINGUISHING BETWEEN FACT AND
OPINION WHEN DETERMINING THE DEGREE OF EPISTEMIC RESPONSIBILITY

В статье рассматриваются эпистемологические основания эпистемической ответственности субъекта речи-мысли, анализируется дихотомия фактографических и оценочных суждений в их соотношении со степенью эпистемической ответственности.

The article deals with epistemological bases of epistemic responsibility of the subject of speech and thought, analyses the dichotomy of factographic and assessment-based judgements and their correlation with the degree of epistemic responsibility.

Ключевые слова: эпистемическая ответственность, эпистемология, факт, утверждение, мнение, убеждение, оценка, суждение.

Keywords: epistemic responsibility, epistemology, fact, assertion, opinion, persuasion, assessment, judgement.

Понятие ответственности релевантно для многих сфер жизни общества, чем обусловлено его существование в различных ипостасях: моральная ответственность, профессиональная ответственность, уголовная ответственность и др. Не является исключением и сфера функционирования языка, предполагающая ответственность субъекта речемыслительной деятельности за порождаемые речевые произведения. А.Н. Баранов говорит о **коммуникативной** ответственности, определяя её через понятия «своего» и «чужого»: «Произнося речевой акт как «свой», мы берём на себя ответственность за то, какие изменения он произведёт в реальности и, конечно, в сознании адресата. Произнося же высказывание как «чужое», мы снимаем с себя, по крайней мере, часть коммуникативной ответственности» [Баранов, 1994, с. 115-116]. В предпринятом исследовании анализируется проблема **эпистемической** (от греч. episteme – знание) ответственности, под которой мы понимаем ответственность за достоверность транслируемой информации, ориентируясь на принятую в эпистемологии оппозицию «знание – мнение», на которую опирается и юридическая практика определения степени ответственности в рамках судебных разбирательств, связанных с информационными спорами, в частности, в делах по защите чести, достоинства и деловой репутации. Эпистемическая ответственность, как представляется, входит в состав более широкой категории коммуникативной (речевой) ответственности, сопряжённой с каждым актом употребления языка. Так, даже в случае прямого цитирования чужой речи говорящий несёт коммуникативную (но не эпистемическую) ответственность за правильность и точность передачи информации. Это же касается и косвенной речи, и частичной цитации, поскольку при включении цитируемого фрагмента в речевое произведение говорящего в условиях отрыва от оригинального контекста возможно искажение смысла, за которое ответственен говорящий.

Термин «эпистемический» заимствован лингвистикой из модальной логики, где он используется для обозначения ветви логики, посвящённой знанию и связанным с ним проблемам. При этом необходимо определить различие между терминами «эпистемический» и «эпистемологический». Последний имеет значение «теоретико-познавательный, связанный с эпистемологией (теорией познания)», в то время как «эпистемический» обозначает сами способы существования знания.

Категория эпистемической ответственности (англ. *epistemic responsibility* или *intellectual responsibility* [Ash, 2008]) разрабатывается в эпистемологии, т.е. разделе философии, исследующем знание, его структуру и функционирование. Эпистемическая ответственность в эпистемологии трактуется через стремление к формированию истинных суждений: «<...> one's purely intellectual duty is to accept beliefs that are true, or likely to be true, and reject beliefs that are false, or likely to be false. To accept beliefs on some other basis is to violate one's epistemic duty – to be, one might say, *epistemically irresponsible* <...>» (исключительно интеллектуальным долгом каждого является принятие мнений, которые истинны или вероятно истинны, и неприятие мнений, которые ложны или вероятно ложны. Принимать мнения на каком-либо другом основании значит нарушать эпистемический долг – быть, можно сказать, *эпистемически безответственным*) (здесь и далее перевод наш – А.Ч.) [Bonjour, 1980, с. 55].

Как известно, важнейшим средством хранения и передачи знаний является язык, что предопределяет выделение в качестве одной из его функций (наряду с коммуникативной и когнитивной) эпистемической функции, которую некоторые исследователи именуют также аккумулятивной [Гируцкий, 2003; Кодухов, 1987], кумулятивной (накопительной) [Верещагин, Костомаров, 2005], познавательной [Норман, 2004], национально-культурной [Леонтьев, 1969]. «С точки зрения эпистемической функции языковая система предстаёт как способ хранения и передачи знаний, а также как отражение специфически национального взгляда на мир» [Баранов, 2007, с. 7]. Очевидно, что эпистемическая ответственность должна находить своё выражение в языке.

В лингвоюридической сфере при определении степени эпистемической ответственности важную роль, как известно, играет дихотомия утверждения о фактах и выражения мнения: «В соответствии со статьёй 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьёй 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [Постановление Пленума Верховного Суда РФ, 2005].

Противопоставление фактов и оценок, сведений и мнений исследователи рассматривают как противопоставление дескриптивных и оценочных высказываний, т.е. наших утверждений о фактах и наших решений по поводу фактов, или в другой терминологии – противопоставление категорий «факта» и «решения» [Бринёв, 2010], описательного и предписательного [Карагодин, 2011], объективной и субъективной информации [Иваненко, 2010], фактивных и нефактивных высказываний [Доронина, 2010], дескриптивных и интерпретирующих высказываний [Доронина, 2011]. Когнитивными коррелятами дескриптивных и оценочных высказываний являются категории знания и мнения соответственно, которые и в эпистемологических исследованиях образуют оппозицию при изучении эпистемической ответственности.

В эпистемологии основным критерием для определения когнитивных категорий, подлежащих ответственности, выступает наличие волевого контроля при их формировании. Так, в классическом представлении мнение (*belief*) признаётся неподотвественной категорией, поскольку формируется без участия воли, т.е. субъект мнения не является агенсом. Данное положение нашло отражение в антиволюнтаристском аргументе («*anti-voluntarist*» argument) [Engel, 2009]:

(1) «If there are epistemic obligations, then belief is under voluntary control» (Если имеют место эпистемические обязательства, то мнение находится под сознательным контролем);

(2) «Belief is not under voluntary control» (Мнение не находится под сознательным контролем);

(3) «Therefore there are no epistemic obligations» (Следовательно, эпистемические обязательства не имеют места) [Engel, 2009, с. 206].

Из приведённого аргумента следует, что эпистемическая ответственность напрямую связана с принятием на себя эпистемических обязательств.

Однако в научной литературе распространено большое количество конкурирующих с классическим представлением точек зрения, отстаивающих идею ответственности за мнение (доксапическая ответственность). Основания, приводимые в защиту доксапической ответственности, различны у разных авторов. Так, П. Энгель не считает целесообразным связывать эпистемическую ответственность с традиционным пониманием агенса и определяет мнение как подответственную категорию [Engel, 2009]. Ряд исследователей опровергают второй постулат антиволюнтаристского аргумента о том, что мнение не находится под контролем воли [Ginet, 2001; Steup, 2000 и др.].

Согласно точке зрения Дж. МакДауэлла, чтобы стать эпистемическим агенсом, не нужно **действовать** в обычном смысле этого слова. Он отстаивает кантианскую теорию действия, согласно которой субъект несёт ответственность за действие, если осознаёт его причины: «Judging, making up one's mind what to think, is something for which we are, in principle, responsible – something we freely do, as opposed to something that merely happens in our lives. <...> So the realm of freedom, at least the realm of freedom of judging, can be identified with the space of reasons» (Суждение, принятие решения о том, какой точки зрения придерживаться, являются чем-то, за что мы, в принципе, ответственны, чем-то, что мы делаем свободно в противоположность тому, что просто случается в нашей жизни. <...> Область свободы, по крайней мере, свободы суждения, может быть отождествлена с пространством причин) [McDowell, 1998, с. 434].

У. Ренц высказывает мнение о том, что критерием эпистемической ответственности может быть не только воля, но и рассудок (*der Verstand*). Она отводит рассудку активную роль в формировании мнений, убеждений, поскольку именно рассудок делает вывод об истинности содержания убеждения и на основании этого – о том, следует в конечном итоге придерживаться этого убеждения или нет [Renz, 2010].

Анализируя основные, базовые, в терминологии автора – системообразующие смыслы «знать» и «считать» и языковые средства их выражения, различающиеся как утверждение о фактах и суждение о возможном положении дел, Ю.Д. Аפרесян оценивает участие воли в формировании знания и мнения ровно противоположно тому, как это принято в эпистемологии. Согласно его точке зрения, мнение формируется актом воли человека, что он демонстрирует на языковом материале: *составить себе мнение, изменить мнение, отказаться от мнения*, в то время как знание человек получает из внешнего источника, а не формирует его самостоятельно, таким образом, возникновение знания не связано с волей субъекта [Аפרесян, 2001].

Как следует из антиволюнтаристского аргумента, эпистемическая ответственность связана с понятием эпистемического обязательства. Об эпистемическом обязательстве пишет и Дж. Лайонз, связывая его с коммуникативным статусом высказывания: «Сделать утверждение – значит выразить пропозицию и одновременно выразить определённое отношение к ней. Я буду называть это отношение <...> эпистемическим обязательством («epistemic commitment») [Lyons, 1995, с. 254]. <...> Любой, кто утверждает некоторую пропозицию, берёт на себя обязательство быть «приверженным» ей, не в том смысле, что он должен на самом деле знать или полагать, что она истинна, но в том смысле, что его последующие утверждения – и всё, что может быть выведено из его сопровождающего высказывание этой пропозиции и последующего поведения, – должно согласовываться с

мнением, что она истинна» [Лайонз, 2003, с. 270]. Отсюда неприемлемость или парадоксальный характер предложения *It is raining but I don't believe it*, известного как парадокс Мура по имени английского философа Дж. Э. Мура, который первым привлёк внимание к этому виду нарушений смысловой правильности текста. «Делая подобные утверждения, говорящий нарушает своё эпистемическое обязательство» [там же, с. 270]. Таким образом, говорящий принимает на себя эпистемические обязательства, если делает утверждение; задавая нейтральный вопрос, т.е. вопрос, не выражающий эпистемических предпочтений, говорящий не берёт на себя обязательства; в случае наводящих, подсказывающих вопросов (на грамматическом уровне они представляют собой разделительные вопросы) говорящий выражает своё предположительное, предварительное отношение к истинностному значению пропозиции. Дж. Лайонз отмечает также, что возможными вариантами эпистемического обязательства являются не только крайние полярности: выражение полного обязательства и воздержание от полного обязательства, но и промежуточные варианты, указывающие на то, что свидетельства, которыми располагает агент локуции, – «его эпистемические гарантии или эпистемические основания его утверждения – не так хороши, как могли бы быть, и что его обязательство имеет не абсолютный, а предварительный, пробный или условный характер и т.д.» [там же, с. 347]. К средствам, с помощью которых говорящий может конкретизировать и квалифицировать свои эпистемические обязательства, Дж. Лайонз относит просодические (ударение и интонацию) и лексические (модальные глаголы, прилагательные, наречия, частицы) средства.

Таким образом, оппозицию дескриптивных и оценочных высказываний можно рассматривать как противопоставление языкового выражения когнитивных категорий знания и мнения. На языковом уровне знание выражается как утверждение с глаголом в изъявительном наклонении, в то время как мнение, как правило, сопровождается модальными экспликаторами, указывающими на отношении высказывания к соответствующей когнитивной сфере говорящего.

В предпринятом исследовании мы рассматриваем мнения, убеждения как категорию, подлежащую ответственности, поскольку они формируются активным субъектом на основе анализа реального положения дел. Однако, очевидно, что ответственность за знание, которое на языковом уровне выражается в форме утверждения о фактах, неравнозначна ответственности за мнения, предположения, оценки, в которых эпистемические основания представлены как пробные, предположительные. И если категорию ответственности возможно квантифицировать, то в случае мнений, убеждений, предположений мы будем говорить о неполной, частичной эпистемической ответственности.

В связи с рассмотрением фактографических и оценочных суждений представляется необходимой конкретизация значений и соотношения таких оперативных категорий, как «утверждение», «мнение», «убеждение», «оценка», «факт», «суждение».

Анализируя утверждение как особый тип коммуникативного намерения, А.Н. Баранов приходит к следующему выводу о содержании данной категории: «Утверждение – это вербально передаваемая кому-л. информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причём говорящий в той или иной степени берёт на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передаётся в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях (и в функции простого предложения, и в составе сложного) со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов, 2009, с. 34].

В Философском словаре приводится следующее толкование понятия «мнение»: «Мнение – в античной философии недостоверное, субъективное знание, в отличие от достоверного знания – истины. Уже элеаты резко разграничивают истину, основанную на

рациональном познании, и мнение, основанное на чувственных восприятиях и знакомящее лишь с видимостью вещей» [Философский словарь, 2001, с. 336].

Толковый словарь русского языка (МАС) определяет анализируемые категории следующим образом:

Утверждение, *-я, ср.* 1. *Действие по знач. глаг.* утвердить – утверждать и утвердиться – утверждаться. *Утверждение порядка. Утверждение в звании.* 2. Мысль, положение, высказывание, доказывающие, утверждающие что-л.

Мнение, *-я, ср.* Суждение, выражающее оценку кого-, чего-л., отношение к кому-, чему-л., взгляд на кого-, что-л. *Общественное мнение. Предвзятое мнение. Борьба мнений.* || Официальное заключение, решение. *Мнение суда. Запросить мнение комиссии.*

Убеждение, *-я, ср.* 1. *Действие по глаг.* убедить – убеждать (в 1 знач.) и состояние по знач. глаг. убедиться – убеждаться. 2. Твёрдое мнение. 3. *мн. ч. (убеждения, -ий).* Система взглядов, мировоззрение. *Политические убеждения.*

Оценка, *-и, ж.* 1. *Действие по знач. глаг.* оценить – оценивать. *Оценка имущества. Оценка знаний учащихся.* 2. Мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении и т.п. кого-, чего-л. *Положительная оценка. Дать оценку чему-л.* 3. Принятое обозначение степени знаний и поведения учащихся; отметка. *Получить хорошую оценку за сочинение.*

Суждение, *-я, ср.* 1. Мнение о чём-л., взгляд на что-л. *Суждения об искусстве.* || Заключение, решение. 2. *Лог.* Мысль, в которой утверждается или отрицается что-л. относительно предмета или явления, например: «все люди – братья», «железо ковко».

Факт, *-а, м.* 1. Истинное событие, происшествие, явление. || Пример, случай. || То, что является материалом для какого-л. заключения, вывода или служит проверкой какого-л. предположения. 2. *обычно в знач. сказ.* Реальность, действительность. 3. *в знач. утвердительной частицы.* *Прост.* Употребляется в значении: *верно, несомненно, действительно, конечно.* (От лат. *factum* – сделанное) [Словарь русского языка, 1999].

Однако в научной литературе встречается и иное понимание факта. Так, авторы книги «Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» считают неправомерным рассматривать факт как истинное событие действительности: «Факт не существует в самой действительности: это результат нашего осмысления или переработки информации о действительности» [Понятия чести, достоинства и деловой репутации, 2004, с. 45]. «Факт – это содержание высказывания, но только после того, как мы провели его проверку на истинность – верификацию – и получили положительный ответ» [там же, с. 47], т.е. факт представляет собой истинное суждение. Этой точки зрения придерживается и Н.Д. Аругюнова, которая, отмечая «расшатанность» его значения и употребления, рассматривает факт как коррелят суждения, а не положения дел в мире: «Факт – наследник и представитель не любой пропозиции, а только верифицированной и получившей оценку «истинно» [Аругюнова, 1988, с. 158]. По мнению Г. Фреге, «факт – это такая мысль, которая истинна» [Фреге, 1987, с. 42].

Итак, анализируя все компоненты значения исследуемых категорий, можно заключить, что **утверждение** всегда вербализованно, объективно, верифицируемо, подответственно, поскольку говорящий осуществляет выбор одной из нескольких возможностей и, конечно, несёт ответственность за свой выбор. При этом говорящий уверен в правильности своего выбора, убеждён в том, что содержание высказывания соответствует реальному положению дел (конечно, если утверждение искренне), что, однако, не исключает его ошибочности относительно объективной действительности: «О положении дел умозаключают не из своей собственной уверенности. Уверенность – это как бы тон, в котором повествуют, как обстоят дела, но из тона нельзя сделать вывод, что сообщение оправданно» [Витгенштейн, 1991, с. 69]. Следует отметить, что всякое употребление языка субъективно, поскольку осуществляется конкретным говорящим субъектом, поэтому, говоря об объективности утверждения, мы имеем в виду его

направленность на описание объективной действительности, тогда как мнение отражает внутренний ментальный мир субъекта и формируется в его уме.

Факт, если рассматривать его как коррелят суждения, отличается от утверждения тем, что может быть только истинным, обладает презумпцией истинности. Если же рассматривать факт как истинное событие, происшествие, то он не входит в парадигму исследуемых категорий «утверждение – мнение», рассматриваемых как формы высказывания, а представляет собой материал, о котором субъект формирует и высказывает мнения, оценки, утверждения. Следует отметить, что понимание факта как истинного события преобладает в языковом употреблении и закреплено лексикографически. В этом же значении, как показывает контекстуальный анализ, слово *факт* употреблено в приведённом выше фрагменте Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формулировке *утверждения о фактах*.

Мнение представляет собой субъективную категорию, суждение о явлениях и событиях в условиях нехватки достоверных данных. Мнение является своего рода «достройкой» имеющейся в наличии у субъекта информации: «Можно сказать, что мнение возникает, когда не хватает знаний» [Иванова, 2009, с. 29]. Мнение, очевидно, неоднородно по своей структуре, на что указывает и ряд исследователей [Дмитровская, 2003; Зализняк, 1991; Шатуновский, 2008], и может иметь форму предположения, оценки, убеждения и др. При этом М.А. Дмитриевская указывает на то, что мнения-предположения могут подвергаться верификации, а мнения-оценки – нет [Дмитровская, 2003]. Таким образом, **оценка** представляет собой частный случай мнения, о чём свидетельствует и приведённое выше словарное определение этого слова («мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении и т.п. кого-, чего-л.»), и имеет в своей основе отношение субъекта к качеству оцениваемого явления по линии, например, «хорошо – плохо», «правильно – неправильно», «добро – зло». Следует отметить, что мнение может оставаться невысказанным, например, *держат своё мнение при себе* или носить надличностный характер: *общественное мнение*, однако, вероятнее всего, мнение как индивидуально-личностная структура является его первичной формой. **Убеждение** представляет собой мнение, характеризующееся убеждённостью субъекта в его правильности. При этом необходимо разграничить категории уверенности и убеждённости, которые, хотя и являются синонимами, обозначают различные эпистемические состояния: «Уверенность – эпистемическое и эмоциональное состояние; имеет место в некоторый момент времени; способно проявляться в разной степени; имеет те или иные причины; объекты этого состояния – утверждения о конкретных ситуациях. Убеждённость – эпистемическое состояние; безотносительно ко времени; не имеет степеней проявления; не имеет причин; объекты этого состояния – абстрактные суждения» [Лауфер, 2003, с. 485].

Суждение, в свою очередь, является проявлением иной плоскости речемыслительной деятельности, поскольку представляет собой категорию логики, отражающую пропозициональную и субъектно-предикатную структуры. Суждение на уровне логики и мышления лежит в основе любого высказывания, будь то утверждение, мнение или оценка.

Компонентный анализ значения лексем *утверждение, мнение, убеждение, оценка, факт*

	S ₁	S ₂	S ₃	S ₄	S ₅	S ₆
<i>утверждение</i>	+	+	+	–	+	–
<i>мнение</i>	±	± ¹	⊥	+	–	–
<i>убеждение</i>	±	–	⊥	+	+	–

¹ Показатель «+» применим к мнениям-предположениям.

оценка	±	–	⊥	+	–	–
факт ²	+	+	+	–	+	+

S₁ – высказанность

S₂ – верифицируемость

S₃ – подответственность

S₄ – субъективность

S₅ – уверенность субъекта в истинности, правильности; убежденность

S₆ – презумпция истинности

Таким образом, проводя различие между фактографическими и оценочными суждениями, следует заключить, что оценочное высказывание представляет собой результат психической деятельности, носит субъективный характер и не может быть подвергнуто верификации (исключение составляют мнения-предположения). Мнение или оценка, в отличие от утверждения, не могут быть истинными или ложными, однако они могут быть обоснованными или необоснованными, правильными или неправильными, могут подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Оформление мнений, убеждений, предположений на языковом уровне связано с указанием на принадлежность выраженной в пропозиции информации к соответствующей когнитивной сфере субъекта речи-мысли. Утверждение о фактах, напротив, основано на осведомленности говорящего, может быть проверено на соответствие действительности и может быть истинным или ложным. На языковом уровне оно выражается повествовательным предложением с глаголом в изъявительном наклонении.

Утверждение выступает предметом юридической и этической ответственности, в то время как оценочные суждения не являются предметом судебной защиты, но являются, несомненно, предметом этической ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян, Ю.Д.** Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 5-26.
- Арутюнова, Н.Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Баранов, А.Н.** Введение в прикладную лингвистику. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 360 с.
- Баранов, А.Н.** Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114-124.
- Баранов, А.Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.
- Бринёв, К.И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Кемерово, 2010. – 42 с.
- Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г.** Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
- Витгенштейн, Л.** О достоверности // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67-120.
- Гируцкий, А.А.** Введение в языкознание: Учеб. пособие. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2003. – 288 с.
- Дмитровская, М.А.** Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995 / Ред. кол.: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 47-55.

² Факт рассматривается как «истинное суждение».

- Доронина, С.В.** Дискурсивные приёмы выражения мнения // Филология и человек. – 2011. – № 1. – С. 7-16.
- Доронина, С.В.** Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-2. – С. 107-111.
- Зализняк, А. А.** *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С. 187-194.
- Иваненко, Г.С.** Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и Т.В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 214-221.
- Иванова, Г.Ф.** Мнения «объективные» и «субъективные» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 29. – 2009. – № 5 (143). – С. 28-36.
- Карагодин, А.А.** К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово: Межвуз. сб. науч. трудов. / Под ред. проф. Н.Д. Голева и К.И. Бринёва. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 2011. – С. 469-480.
- Кодухов, В.И.** Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 288 с.
- Лайонз, Дж.** Лингвистическая семантика. Введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
- Лауфер, Н.И.** Уверен и убеждён: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995 / Ред. кол.: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 478-485.
- Леонтьев, А.А.** Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
- Норман, Б.Ю.** Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
- Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами.** Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медя, 2004. – 328 с.
- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3** // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=52017> (дата обращения: 9.03.2012).
- Словарь русского языка.** В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 5.01.2013).
- Философский словарь** / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
- Фреге, Г.** Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык: Пер. с англ. и нем. / Сост. и предисл. В.В. Петрова; Общ. ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 18-47.
- Шатуновский, И.Б.** О тройном делении в области мнения в русском языке // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Кодзасова. Редакционная коллегия: А.В. Архипов, Л.М. Захаров, А.А. Кибрик, А.Е. Кибрик, И.М. Кобозева, О.Ф. Кривнова, Е.А. Лютикова, О.В. Фёдорова (отв. секретарь). – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 525-538.
- Ash, T.** Intellectual Responsibility: Master's thesis in epistemology. – Oxford University, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.philosophyfiles.com/epistemology/intellectual_responsibility (дата обращения: 7.01.2013).

- Bonjour, L.** Externalist Theories of Empirical Knowledge // Midwest Studies in Philosophy. Volume V. Studies in Epistemology, 1980. – P. 53-73.
- Engel, P.** Epistemic Responsibility without Epistemic Agency // Philosophical Explorations. Vol. 12. No. 2, 2009. – P. 205-219.
- Ginet, C.** Deciding to Believe // Knowledge, Truth and Duty / M. Steup (ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 63-76.
- Lyons, J.** Linguistic Semantics: An Introduction. – Cambridge University Press, 1995. – 381 p.
- McDowell, J.** Having the World in Mind // Journal of Philosophy 95, 1998. – P. 431-450.
- Renz, U.** Aktivität und Passivität des Verstandes angesichts seiner epistemischen Verantwortung // Mind in Nature. Second International Congress of the ESEMP. Humboldt Universität Berlin, 15. Februar 2010 [Электронный ресурс]. – URL: www.uni-graz.at/phth1www_renz_aktivitaet_und_passivitaet_des_verstandes.pdf (дата обращения: 9.04.2012).
- Steup, M.** Doxastic Voluntarism and Epistemic Deontology // Acta Analytica. Vol. 15. Issue 24, 2000. – P. 25-56.